

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1733-1743
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1733

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Epidemic Riots of the 1830s: Regional Specificity and Imperial Commonality

Ksenia S. Barabanova ^{a,*}

^a Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

Abstract

An epidemic is an emergency situation during which conflicts hidden in ordinary times appear. Epidemic riots become such a manifestation. Their special concentration fell on the 1830s and the first cholera epidemic in the Russian Empire. The implementation of anti-epidemic measures, which most often led to a riot, allows us to look at the activities of the local administration. Through the history of rumors, we will also learn about whom the population endowed with power, and whom and for what reasons they considered enemies. Important cases were the events of 1830 in Sevastopol and the so-called “Plague” or “Women's riot”, the St. Petersburg “Riot on Sennaya Square”, the events in St. Petersburg, Olonets and Kazan provinces, in Pskov, Tula and Tver. Speaking about epidemic riots, one should not forget that not in every locality engulfed by an epidemic, the population destroyed hospitals and killed doctors or officials. Such places are characterized by the presence of an active local society, primarily represented by the merchant class. Active actors who from the very beginning of the epidemic participate in the organization of cholera hospitals, which do not represent a “transitional place” from the house to the cemetery, provide food or ready meals to the needy and help the orphans. Through epidemic riots, we will consider general imperial problems and their regional specifics during the reign of Emperor Nicholas I. Through individual cases of plague or cholera riots, it becomes possible to study regional problems, ideas about authorities and enemies. You can also refer to the history of society in the Russian Empire and confirm the thesis that it should be viewed through the regions and speak of a local society, and not a general imperial one.

Keywords: riot, epidemic, rumors, plague, cholera.

1. Введение

Эпидемии, последствия которых можно сравнить с военными действиями, являлись серьезной угрозой мирному существованию Российской империи в XVIII–XIX вв. Холерные и чумные бунты, являвшиеся результатом обострения скрытых в обыденное время конфликтов, были присущи обоим столетиям. Наибольшая их концентрация пришлась на начало 1830-х гг. и первую эпидемию холеры в России. В данной работе мы обратимся к региональной специфике и имперской общности эпидемических бунтов.

Под понятием «эпидемический бунт» мы понимаем бунт, поводом к которому стали противоэпидемические мероприятия или их последствия, а причиной служили скрытые конфликты внутри охваченного эпидемией сообщества.

2. Материалы и методы

Отметим широкий круг источников по истории эпидемий и эпидемических бунтов. Для современников эти происшествия были незаурядными событиями, поэтому они нашли свое отражение в дневниках, переписке, а позднее и в воспоминаниях. П.А. Вяземский и А.В. Никитенко в своих дневниковых записях особое внимание уделяли слухам и поведению горожан. Эпидемии и

* Corresponding author

E-mail addresses: barabanova13@gmail.com (K.S. Barabanova)

бунты стали важным сюжетом в воспоминаниях современников, в которых авторы сосредоточились на поведении людей в период чрезвычайной ситуации и многочисленных нарушениях (Пржецлавский, 1874; Пупарев, 1884; Селиванов, 1868).

Основной комплекс материалов, посвященных чумному бунту в Севастополе в 1830 году, отложился в Российском государственном архиве военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Здесь хотелось бы отдельно отметить воспоминания доктора Н.И. Закревского, который во время рассматриваемых событий служил в Севастополе. Его воспоминания стали единственным свидетельством, оставленным врачом. К сожалению, врачи не оставили большого корпуса источников о своей работе и мы не можем рассматривать эпидемии 1830-х гг. с точки зрения профессионального медика, как и не можем узнать их мнения о мероприятиях и отношении к ним обывателей.

Важным источником для данной работы стали слухи, которые удалось собрать не только благодаря личным источникам, но и материалам фонда департамента полиции исполнительной МВД Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Для анализа причин и хода эпидемических бунтов следует обратиться к методам исторической компаративистики. Важно отметить, что эпидемические бунты в Российской империи не были чем-то уникальным. В Великобритании во время эпидемии холеры 1831–1832 гг. обыватели точно так же открыли охоту на врачей, будучи недовольными противоэпидемическими мерами (Burrell, Gill, 2005; Schwartz, 2006). П. Болдуин обратился в своем исследовании к эволюции отношения к болезням в Российской империи, Великобритании, Франции, Швеции и немецких государствах. Также для его исследования важной задачей стало изучение влияния формы правления на методы борьбы с эпидемиями (Baldwin, 2005).

Слухи стали порождением страхов перед неизвестной болезнью и противоэпидемическими мероприятиями. Основным источником информации для большинства обывателей были разговоры на улице, досужие сплетни. В этом свете для нас становятся важными методы анализа слухов и применения их как источников для исторического исследования. Как отмечал Б.И. Колоницкий по отношению к истории Февральской революции, исследователи порой отбрасывали слухи и вымыслы «как нечто малозначительное» и при этом «объясняли» через них те или иные события (Колоницкий, 2010: 20). Эта мысль применима и к рассматриваемым нами событиям.

К холерным бунтам второй половины XIX века обращался Ш. Визе. В своей работе он сравнивал их с еврейскими погромами. Для нас важно то, как исследователь работал со слухами. Как показал Ш. Визе в своем исследовании, существуют «путешествующие слухи» (Визе, 2001: 309). Следует отметить, что сценарии эпидемического бунта начала и конца XIX в. мало отличаются, также повторяются и слухи.

3. Обсуждение

Историография эпидемических бунтов представлена работами по таким отдельным эпизодам, как чумной бунт в Севастополе (Леписевич, 2012; Полканов, 1936; Фесенко, 2011) или бунты военных поселян. В исследованиях, посвященных последним, акцент смещен с эпидемической составляющей на недовольство самой системой (Гессен, 1932; Кункль, 1929; Военные поселения, 1980; Мальцев, 1992; Петров, 1871). Также холерные бунты освещаются и в контексте исследований, посвященных истории эпидемий. Среди них можно выделить работы К.Г. Васильева и А.Е. Сегала (Васильев, Сегал, 1960) и Р. МакГру (McGrew, 1965).

История эпидемий – удобный контекст для изучения совершенно разных проблем. Среди исследований, которые стали уже классическими, следует назвать книгу Ричарда Эванса о смертоносных эпидемиях холеры в Гамбурге, политике и обществе в холерные 1830–1910 гг. Эванс в своем исследовании рассмотрел проблемы, связанные с развитием урбанизации, которые привели к крупной эпидемии холеры в 1892 году (Evans, 1987). Не менее известным является исследование Чарльза Розенберга, посвященное истории эпидемий холеры в Америке в 1832, 1849 и 1866 годах. Целью автора было понять, какие факторы повлияли на восприятие холеры и отношение к ней. Розенберг сравнивал эпидемии 1832, 1849 и 1866 гг. В центре его внимания было изменение отношения к холере медиков-профессионалов и эволюция городского пространства во время эпидемий (Rosenberg, 1987). Схожие проблемы подняла Ш. Хенц в работе, написанной на материалах поволжских губерний, при этом для Российской империи актуальность сохраняли вопросы, которые в Европе уже были решены (Henze, 2011).

4. Результаты

Рассуждая об эпидемиях, мы, не задумываясь, употребляем военную лексику. Эта же терминология встречается в описаниях и в воспоминаниях об эпидемиях холеры и чумы первой половины XIX века, что ранее отмечал и К.А. Богданов (Богданов, 2005: 351). Для современников эпидемии были равны войне. Российская медицинская корпорация начала формироваться из-за нехватки отечественных специалистов в армии, после же отставки военные врачи пополняли ряды гражданских медиков и привносили в мирную жизнь свой опыт службы во время военных кампаний.

Мероприятия, вводимые для предотвращения распространения эпидемии и для борьбы с ней в местах, куда болезнь была уже занесена, были разработаны изначально для армии.

Первой реакцией на угрозу вторжения врага, то есть проникновение эпидемии на территорию Российской империи, была организация защиты границ государства. И если в случае угрозы военных действий выставлялись патрули, усиливался военный контингент на границе, то перед угрозой эпидемии организовывались карантинные. Эта мера была разработана в первую очередь против чумы, о чем свидетельствует Карантинный устав (ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490), действовавший с 1818 по 1833 годы.

Карантин, или обсервация, – это самый простой и действенный способ остановить распространение эпидемии. Путники и обозы задерживались для выдерживания карантина, за время которого должны были проявиться больные. В ситуации, когда болезнь проникала в город, организовывались внутренние карантинные. Границы города для жителей могли в таком случае сократиться до их домов или квартир.

Когда карантины не справлялись и в город приходила эпидемия, власти начинали внедрять комплекс противоэпидемических мероприятий. Первым шагом была организация временной структуры, которая должна была реализовывать меры против эпидемии. В состав временных комитетов и советов входил широкий круг акторов. Ведущую роль в реализации противоэпидемических мероприятий играли временные чиновники, которые уже работали во время чрезвычайной ситуации и были знакомы с чиновным миром империи. И хотя важнейшая роль в борьбе с болезнями была отведена врачам, они не всегда принимали участие в ее организации. Зачастую они играли роль исполнителей, отвечавших только за медицинские вопросы. Такое решение в условиях крупной эпидемии лишало чиновников профессиональной экспертизы и сводило мероприятия к бюрократическим решениям, которые в свою очередь не способствовали снижению заболеваемости и смертности, а порой только увеличивали их.

Во время эпидемии в городах выделялись медицинские части. В них создавалась аналогичная система временных структур. Дробление города позволяло быстрее реагировать на проблемы на местах. В частях организовывалась госпитализация, носившая принудительный характер. Заболевшие помещались во временные больницы. Если пациенту удавалось выжить, то он выдерживал еще один карантин и мог возвратиться домой. Умерших во время эпидемии хоронили на специальных временных кладбищах в общих могилах без отпевания.

Комплекс мероприятий против эпидемии был единым для всей Российской империи. Различия сводились, скорее, к выполнению этих мер. Власти не могли сократить те или иные неудобные мероприятия, но могли свести их к чисто формальной реализации.

Любую чрезвычайную ситуацию сопровождают слухи, порой их объемы достигают эпидемии. Данный феномен можно объяснить слабой информированностью населения. Слухи также выступают в качестве канала для коммуникации и отражают восприятие событий глазами обывателя, а не чиновника.

Проводимые по единому сценарию мероприятия вызвали схожие по сюжету слухи. Они, как лесной пожар, распространялись по империи и эволюционировали, подстраиваясь под условия того или иного региона.

Первым общим сюжетом стал слух об отсутствии эпидемии. В Петербурге и ближайших губерниях популярностью пользовалось предположение об отравлении рек. В Сяских рядах Новоладожского уезда в июне 1831 года прапорщики Ведомства путей сообщения Рокштуль и Гуцин были обвинены и избиты за отравление воды в реке Сясь, куда они якобы вылили жидкость из бутылки со «смертельным зельем» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1-11). Такое пристальное внимание к водным ресурсам объясняется их особым местом в этой местности. Для данного региона важную финансовую составляющую играли Вышневолоцкая, Тихвинская и Мариинская водные системы, которые начинались на Волге: Вышневолоцкая – в районе Твери, а остальные – возле Рыбинска. Отметим, что обыватели первыми обратили внимание на опасность, исходящую от воды во время эпидемии. Холерный вибрион чаще всего и попадает в организм человека через некипяченую воду. В медицинской литературе проблема грязной воды поднимается крайне редко и рекомендация пить чистую воду не является основной. Если же мы рассматриваем эпидемию в сравнительной перспективе с военными действиями, то понятен и страх перед отравленными колодцами и водоемами. В них неприятель мог скидывать трупы зараженных чумой и таким образом подрывать боеспособное состояние противника.

Даже для мест, куда не проникла эпидемия, были характерны толки о карантинах, которые или уже там появились, или только организовывались. Во время бунта в д. Александровщина Олонецкой губернии 7 июля 1831 года главным требованием крестьян была отмена карантинных (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 64), так как через них они заражаются холерой (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 69). Местные жители утверждали также, что «подозрительные лекари вместе с чиновниками» давали им вместо лекарства яд (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 74). Такое отношение к обсервационным заставам объясняется, во-первых, теми изменениями в жизни обывателей, которые влекли за собой карантинные. Местные жители оказывались оторванными от привычных промыслов, не могли

торговать, а также были вынуждены принимать у себя тех, кто должен был выдержать карантин на данной заставе.

Во-вторых, карантинные работы с многочисленными нарушениями, из-за которых их работа была бессмысленной и эпидемия продолжала распространяться. И наконец, первыми жертвами на пути эпидемии становились те, в чьем селении размещалась обсервация. Недоверие к карантинам как мере предотвращения развития эпидемии было характерно для мест, где эти карантинные ставились.

Принудительная госпитализация и временные холерные больницы вызывали у населения не доверие, а панический страх. Петербуржцы летом 1831 года были уверены, что в больницы забирают здоровых, а потом убивают. Нельзя исключать, что госпитализировали пьяных, так как многие считали алкоголь лучшим лекарством. В городе была объявлена охота на холерные кареты, которые перевозили больных: их ломали или сбрасывали в каналы (ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 343. Л. 1-6об.; Селиванов, 1868: 962). По мнению А.В. Никитенко, больницы были «только переходным местом из дома в могилу» (Никитенко, 1955: 107). В ходе холерных бунтов в Петербурге было разгромлено несколько больниц, а их персонал был избит или выброшен в окно (Селиванов, 1868: 962). 22–23 июня 1831 года на Сенной площади в Петербурге разразился бунт, на усмирение которого прибыл император Николай I. В первый день бунта была разрушена временная холерная больница в доме купца Таирова. Из ее окон были выброшены врачи, а пациентов на руках вынесли горожане.

В условиях информационного голода слухи становились самым доступным способом получения и распространения информации. Слухи, как реакция на противоэпидемические мероприятия, имели схожие наборы сюжетов, так как меры были одинаковыми. Модификации слухов зависели от набора мероприятий в данной местности. Анализ слухов указывает на то, что во время эпидемии население не доверяло как решению властей, так и экспертному мнению чиновников и врачей.

Эпидемический бунт происходил из-за противоэпидемических мероприятий, осложненных многочисленными слухами. Так как мероприятия и слухи отличались модификациями, то мы можем выделить основные черты бунта, развивающегося во время эпидемии. Для этого обратимся к событиям чумного бунта в Севастополе в 1830 году. Многие современники и исследователи сходятся в том, что в Севастополе в рассматриваемый период не было чумы (Закревский, 1861; Закревский, 1861; Закревский, 1863). Об этом свидетельствует в первую очередь низкий для чумной эпидемии уровень смертности в 1829–1830 гг. Данный кейс является уникальным, так как эпидемический бунт произошел вне самой эпидемии. Актуальным является и то, что на его материалах можно исследовать нарушения, характерные для периода эпидемии, но обычно списываемые в связи с большим количеством жертв. Перед нами «чистый» эпидемический бунт, который можно рассматривать как эталонный.

Следует отметить, что бунт в Севастополе не первый чумной бунт в России. Во время эпидемии в 1770–1771 гг. в Москву с театра русско-турецкой войны 1768–1774 гг. была занесена чума. Пик эпидемии пришелся на август–сентябрь 1771 г., когда из города бежали все, кто мог (Москва в 1771 г., 1861: 336). Некоторые уходили уже больными и уносили с собой зараженные вещи. После того как в село Пушкино московский ямщик привез зараженный кокошник, оно почти все вымерло (Нечаев, 1911: 26). 15 сентября в Москве вспыхнул бунт (Супотницкий, Супотницкая, 2006; Alexander, 2003). Поводом к нему стали распространившиеся слухи о том, что архиепископ Московский и Калужский Амвросий хочет убрать икону Богородицы с Варварских ворот, которую в то время почитали как лечащую. На следующий день, 16 сентября, толпа обнаружила Амвросия и жестоко расправилась с ним. Гнев горожан был направлен не только на священнослужителя, разрушению подверглись чумные карантинные пункты и больницы. В городе нападали на врачей, большая часть из которых была иностранцами. После бунта в город был направлен Г. Орлов. Он внес коррективы в противоэпидемические мероприятия и тем самым уничтожил повод к новым выступлениям (Алефиренко, 1947; Брикнер, 1884; Мордовцев, 1875; Нечаев, 1911). Внимательное изучение событий в Москве позволяет говорить о том, что причиной выступления горожан стал страх перед принудительной госпитализацией, которой занимались мортусы (колодники). Москвичи были напуганы чумными карантинами и больницами, где не были созданы условия для лечения, а только изоляция больных от здоровых.

В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в Российскую империю вновь была занесена чума. Первыми от нее пострадали Бессарабия и Одесса. Под угрозой оказалась стратегическая база черноморского флота – Севастополь. Чтобы предотвратить заражение города и распространение в глубь империи чумы, город был взят в оцепление уже в 1828 г. С 17 июня 1829 г. в городе был объявлен «полный карантинный термин», результатом которого стала изоляция города. Для жителей Севастополя это означало грядущее повышение цен, нехватку самых необходимых продуктов и товаров, в городе расцвела спекуляция и коррупция. Для подозрительных больных на Павловском мысу был открыт чумной карантин, в который свозились все заболевшие города вне зависимости от болезни. Неудивительно, что для горожан Павловский мыс был олицетворением могилы (РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-24). Комиссия по погашению чумы в Севастополе под руководством инспектора врачебной управы Таврической губернии П.И. Ланга и штаб-лекаря П.А. Верболозова вводила новые карантинные правила, в результате чего в городе было запрещено свободное перемещение и самые бедные слои населения лишились не только возможности заработка себе на пропитание, но и даже возможности

свободно набирать воду. Жители города были заперты в своих домах и не могли покидать их; конечно, обеспеченные горожане имели послабления. Снабжение населения было возложено на местную администрацию, которая должна была обеспечить горожан провиантом, водой и дровами.

В свете такой реализации противоэпидемических мероприятий горожане пребывали в уверенности, что болезни нет, а в карантин попадают или полностью здоровые люди, или больные чем угодно, только не чумой. Для жителей Севастополя врачи олицетворяли смерть. Особую ненависть они испытывали к П.А. Верболозову и его помощникам, которые признавали один единственный правильный диагноз – чума.

Более всех пострадали жители Корабельной слободки, для которых карантин был продлен и после 27 мая 1830 года. Именно ее жители, доведенные до отчаяния нехваткой продуктов, холодной зимой и беззащитностью перед произволом врачей и мортусов, которые признавали любого больного чумным, выступили по набату вечером 3 июня. Толпа двинулась (к ней примкнули матросы флотских экипажей), подступила к дому военного генерал-губернатора Столыпина, которого она растерзала в тот же день вместе с несколькими другими чиновниками.

К ночи Севастополь был полностью захвачен мятежниками, полиция бежала из города, а гарнизон отказался участвовать в подавлении восстания. Толпа требовала, чтобы власти признали, что чумы в городе нет и сняли карантин. Мятежникам удалось выбить у контр-адмирала Скаловского, генерал-лейтенанта Турчанинова и городского головы И. Носова бумаги о том, что в городе нет и не было чумы. Такую же расписку написал протоиерей Севастопольского собора Софроний Гаврилов (Гаврилов, 1867: 1381). После введения войск 5 июня бунт пошел на спад и 7 июня полностью прекратился (РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17; РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 320; РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 338; РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 336; РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16). Следует отметить, что желание получить от официального лица (чиновника, военного или священнослужителя) некую расписку, которая подтверждала бы мнение толпы о природе эпидемической болезни, присутствует во многих эпизодах чумных и холерных бунтов. Бунтующие пытались не только придать выступлению видимость законности, но и говорили с чиновниками на их языке.

Подводя итог, отметим, что бунт в Севастополе был результатом всех тех нарушений, которые обычно сопровождали эпидемии и списывались за счет высокой смертности. Поэтому севастопольские события можно брать как эталон эпидемического бунта, через который видны реальные причины выступления населения города, а не многочисленные слухи и легенды.

Анализ севастопольских событий лета 1830 года указывает на общеимперскую проблему, которая проявилась и в холерные бунты: недоверие населения к властям, которое проявлялось через неприятие ее решений, и подозрение в отношении ее представителей на местах.

Неприятие решений власти распространилось на все территории империи, охваченные эпидемией. Самым ярким его выражением было отрицание самого существования холеры. Обыватели считали, что высокая смертность является следствием яда. И действительно, симптомы холеры схожи с отравлением мышьяком. Под сомнение ставились и все противоэпидемические мероприятия – от карантинных до холерных больниц.

Вторым проявлением недоверия к власти стало предубеждение против ее представителей на местах. Именно их обвиняли в отравлении воды и продуктов. Формируется образ врага, характерный для общеимперского пространства. В каждом регионе эта фигура олицетворяет ту властную группу, с которой у большинства населения был затяжной конфликт.

В начале эпидемии фигура «отравителей» была анонимна, но с увеличением недоверия к решениям властей уточнялся образ врага. В Петербурге слух о неизвестном «отравителе» в 1830 году (Петербургские записки, 1830) под воздействием противоэпидемических мероприятий эволюционировал и стал более четким, приобрел новые черты. Особо подозрительными для петербуржцев были «прилично» одетые прохожие. На них петербуржцы начали охоту, в ходе которой их раздевали догола и заставляли съесть все, что толпа считала подозрительным. Чаще всего это был раствор хлориновой извести или крепкий уксус, рекомендованные к использованию Министерством внутренних дел (Врачевание, 1831). В Санкт-Петербурге, как столичном городе, сконцентрировался мир чиновников. Можно предположить, что в качестве отравителей для петербуржцев выступали чиновники.

Нельзя вычеркивать из числа эпидемических бунтов выступления военных поселян (Гессен, 1832). Их тяжелое положение (причина бунта) и жесткие противоэпидемические мероприятия (повод к бунту) создали условия для бунта. Среди военных поселян сначала фигура отравителей также была анонимна: некие злоумышленники травилы реки и колодцы, рассыпали яд в огородах и хлебных полях. Затем в отравлении народа обвинили начальников военных поселений и всех офицеров. Так, в Старой Руссе схватили поручика Ашенбреннера и обвинили его в том, что, когда он ехал по берегу реки, он сыпал в воду какой-то порошок (Ушаков, 1874: 145). Таким образом, противоэпидемические мероприятия, которыми были недовольны поселяне, и слухи об «отравителях» создали идеальные условия для возникновения бунта. Объектом же нападения мятежников стали чиновники и военные, с которыми у местных жителей был конфликт в контексте системы военных поселений.

К общеимперским проблемам мы относим восприятие эпидемии не как чрезвычайной ситуации в области здравоохранения, а как крупной военной кампании. Данный аспект проявился не

только в противоэпидемических мероприятиях, но и в расширении списка акторов, воспринимаемых в качестве врага. В связи с этим в отдельную группу врагов следует выделить иностранцев (или тех, кого население воспринимало так).

Для мест, где приезжие из других стран были чем-то необычным, это были некие люди, говорившие на незнакомом языке. В Вологодской губернии крестьянка Марфа Гаврилова созналась в «умышленном отравлении крестьян» села Кубенского. Отравила она их «по научению» трех неизвестных мужчин, заплативших ей 150 руб. Как показала Марфа, с ней они говорили по-русски, а между собой на неизвестном ей языке (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 484. Л. 1). Следствие выяснило, что оговорить себя Гаврилову заставили крестьяне, которые привязали ее к столбу, а затем «перевели» через огонь. Показательно, что в своей истории Марфа в качестве «заказчиков» выбирает иностранцев, то есть наиболее правдоподобную, по ее мнению, кандидатуру на место «отравителей».

В городах, где проживали иностранцы, фигура отравителя уже приобретала более четкую привязку к национальности. В Петербурге «отравителями» признали поляков (в меньшей степени немцев), поданных Российской империи, но все еще иностранцев для сограждан. Ходил слух, что на польских кораблях в город завезли «целые грузы мышьяку и всыпали их в Неву» (Пржедлавский, 1874: 695). В городе появился слух, будто поляки хотят уничтожить русский народ и «вся холера есть их штука» (Башуцкий, 1866: 234). Важную роль здесь сыграло Ноябрьское восстание 1830–1831 гг. и отрицательный образ поляка, который формировался на страницах газет властями.

Схожая история развернулась в Твери в июне 1831 г. В городе были распространены многочисленные слухи о том, что болезнь от испорченной зельями воды в колодцах и реках, «отравителями» же были неизвестные люди, подсланные поляками. Толпа поймала и привела тверскому гражданскому губернатору «отравителей»: отставного подпоручика Е. Чеботова и подмастерье портного Г. Гельда. Причиной стало то, что первый был «дурно и бедно одет и должен быть поляк, а последнего, потому что он немец» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 479. Л. 120б.). Розыск распространителей слухов привел к учителю гимназии В. Будревичу и проживавшему у него И. Чечоте (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 479. Л. 6). Оба подозреваемых были участниками тайного общества филوماتов в Виленском университете, которое было открыто в ходе следствия по делу общества филаретов (Вильна 1823–1824, 2008). Тверским властям не удалось доказать причастность бывших филوماتов к распространению слухов.

Фигура врача стала воплощением всех страхов и ранее рассмотренных нами проблем как имперского, так и регионального уровня. Эпидемия холеры пришлась на период, когда в Российской империи формировалась медицинская корпорация. Для этого использовалась военная модель, и большая часть отечественных врачей к 1830-м гг. имела военный опыт, была отставными военными. Для властей медики были чиновниками, а для населения – еще и главными представителями власти во время эпидемии. Отметим, что нехватка врачей компенсировалась иностранными докторами, которые зачастую не знали русского языка. Таким образом, в представлении обывателей врачи были чиновниками, врачами и иностранцами, что превращало их в олицетворение образа врага.

В Путивльском уезде Курской губернии в поместье Л. Черепова был уничтожен холерный лазарет. Он был создан на средства помещика. Поводом к бунту стал слух, что врачи «производят больным на шеях пузыри, которые режут ножницами, дают будто бы отраву и льют оную в колодцы и ставки/то есть пруды/, припущают пиявки, открывают кровь» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 1).

В селе Никольском Тамбовского уезда в смерти односельчан обвинили врачей, которые «людей режут и варят в котле» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 482. Л. 4). Ворвавшаяся в больницу толпа вытащила из нее труп крестьянина и кричала, что его «сварили и зарезали». Местных лекарей Гофа и Клеменса «сковали» и заперли в доме, где до того был холерный больной, а самих больных освободили и разобрали по домам. Крестьяне сняли оцепление с села. Пьяный дьякон обыскал Гофа и нашел у того медицинское наставление и порошок сладкой ртути, в котором распознал мышьяк. 17 ноября толпа мещан и однодворцев собралась у Тамбовской городской думы. Главное недовольство вызывало оцепление города и помещения больных в больницу, где доктора пускают им кровь и они от этого умирают (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 445. Л. 15-15об.).

Самой большой вспышкой ненависти к врачам следует считать охоту на медиков и разрушение больниц во время петербургской эпидемии. Одной из жертв стал штаб-лекарь Ф.Ф. Кралицкий (Пупарев, 1884: 71), которого избил толпа, несмотря на то, что до этого он проявил себя во время наводнения 1824 года (ЦГИА СПб. Ф. 187. Оп. 1. Д. 96. Л. 78об.). Как потом показал Кралицкий, на улице от дома Боровикова до Коммерческого училища мгновенно собралось более двух тысяч человек, которые хотели расправиться с ним. Благодаря кучеру, лошади вынесли медика из толпы, откуда на него посыпались камни, из которых два попали ему в спину, один в грудь, а несколько угодило в лошадей. Спасение Кралицкий нашел в съезжем доме Московской части.

Таким образом, недоверие к власти было распространено на всей территории, охваченной холерой. Региональная специфика проявилась в объектах недоверия. Когда местное население отвергало те или иные решения властей, оно обращалось к региональным кейсам, которые влияли непосредственно на их жизнь. Ставя под сомнение деятельность представителей власти на местах,

обыватели выбирали тех акторов, которые регламентировали их жизнь и с кем были скрытые конфликты. Знак равенства между эпидемией и войной привел к поиску традиционных врагов – иностранцев. От удаленности региона от столицы и количества проживающих там иностранцев зависело, насколько подробное описание будет составлено. Ярче всего недоверие к властям проявилось в случае с врачами. Они воплощали в себе все то, что ненавидели в разных регионах империи: чиновников, военных, иностранцев, реализовавших противоэпидемические мероприятия.

Не во всех губерниях, охваченных холерой, вспыхивали бунты. Так, осенью 1830 г. эпидемия холеры разгорелась в Москве. Среди горожан циркулировали многочисленные слухи. Самым распространенным был слух о том, что в больницы забирают здоровых, чтобы уморить там (Вяземский, 1992: 140). П.А. Вяземский в своих записках приводит пример письма остафьевского столяра из Москвы: «Нас здесь режут как скотину» (Вяземский, 1992: 141). Можно выделить уникальный московский слух о том, что в больницах работали проститутки (Вяземский, 1992: 147). Так почему в Москве не было холерного бунта?

Ответ на этот вопрос заключается в разнице между реализацией противоэпидемических мероприятий в двух столичных городах и в составе акторов, задействованных в борьбе с холерой. В Москве чрезвычайная система управления была более продуманная, чем в Петербурге. Налаженный диалог властей и горожан позволил избежать бунта в Москве (McGrew, 1965: 109). Здесь следует отметить, что привлечение широкого круга акторов было более результативным, чем использование лишь административного ресурса, как это было в Санкт-Петербурге до холерного бунта на Сенной площади.

Схожая ситуация сложилась в Воронеже. Воронежский гражданский губернатор докладывал о том, что «слухи, достигнувшие до Воронежа о народном волнении в Санкт-Петербурге при появлении эпидемической болезни холеры, не произвели никакого неблагоприятного впечатления» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 483. Л. 1). Слухи выступали в качестве средства коммуникации. Власти отслеживали их влияние и распространение. Почему же в Воронеже горожане не начали охоту на врачей или больницы? Гражданский губернатор объяснял это тем, что в городе не было проблем с продуктами, цены на «жизненные припасы» и на лекарства не взвинтились до небес. То есть в городе, несмотря на чрезвычайное положение, удалось сократить неудобства и повод для бунта к минимуму. Важную роль здесь сыграла благотворительность. Как и в Москве, в Воронеже купечество жертвовало деньги, продукты и лекарства для горожан (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 483. Л. 106.), тем самым восполняя нехватку их и пробелы в работе администрации. Конечно, слухи в Воронеже наверняка курсировали, но так как они не привели к неповиновению толпы, то не попали в зону интересов властей.

Таким образом, в случае с регионами, где не вспыхивали эпидемические бунты, следует обратиться к концепции Л. Хефнера «местного общества» (Хефнер, 2002: 190), обращаясь, таким образом, к сфере общественной самоорганизации, находящейся между государством и семьей (Хефнер, 2002: 197). Таким образом, наличие активного местного общества, которое сотрудничало с государством в рамках борьбы с холерой и тем самым расширяло комплекс противоэпидемических мероприятий, позволило избежать эпидемических бунтов.

5. Заключение

Рассматривая эпидемические бунты 1830-х гг., можно говорить о проблемах, которые были характерны для всей Российской империи. На материалах холерных бунтов мы видим, что население не доверяло власти, ее решениям и представителям. История же чумного бунта в Севастополе указывает на то, что это недоверие имело под собой основания и долгую предысторию. Истории о тех событиях в формате слухов могли распространиться по империи и повлиять на восприятие холеры и противоэпидемических мероприятий, но никаких подтверждающих это свидетельств нами не найдено. О бунте в Севастополе не упоминается в личных источниках или материалах полиции в связи с холерными бунтами. Таким образом, нет подтверждения того, что севастопольский бунт запустил цепную реакцию. Но эпидемические бунты не были чем-то новым для 1830-х гг., и опыт предыдущих лет был известен достаточно хорошо. Слухи могли распространяться из одной губернии в другую, но не в каждую деревню, это, скорее, свидетельство об общих представлениях и страхах, характерных для этой ситуации.

Из недоверия к власти вытекает ряд общеимперских проблем, характерных для данного периода. Население не доверяло решениям власти и результате отвергало их. Отсюда уверенность, что народ травят мышьяком или каким-то другим ядом. От региона зависело представление о том объекте, который отравили. Недоверие к представителям власти рождало образы врага, в роли которого выступали те акторы, с которыми в повседневной жизни у обывателей были конфликты, и те, кто олицетворял власть в данном регионе. Поэтому в Петербурге нападали на людей, в которых видели чиновников, а в Старой Руссе – на военных.

Из-за понимания эпидемии как войны в качестве отравителей выступают некие иностранцы. Слухи о них различались в регионах только подробностями: от неизвестных, говоривших на непонятном языке, до поляков. Чем больше иностранцев проживало в той местности, тем более подробным был образ. Возможно, в представлении населения власти оставили их без помощи в этой

войне (или даже сами помогают врагу) и обыватели защищают себя и свою страну от вражеской армии. Также важную роль сыграли и власти, работавшие над отрицательным образом поляков в связи с Ноябрьским восстанием. А значит, чем больше в регионе было образованных людей, знакомившихся с прессой, тем больше шансов было услышать толки о поляках-отравителях.

Обращаясь к российской медицинской корпорации того периода, можно увидеть недоверие к ней как к эксперту со стороны потенциальных пациентов. Обыватели сомневаются в существовании болезни и тем самым ставят под сомнение экспертное заключение врачей. Недоверие и даже ненависть к врачам – это еще один показатель проблемы недоверия к власти, так как в глазах населения медики выступают в роли чиновников, военных и иностранцев.

Следует отметить, что эпидемический бунт выступал в качестве средства коммуникации между населением и властями, единственно доступной формой проявления как недовольства, так и страха. Напрямую бунтующие не обвиняли власти в их некомпетентности или желании убить население той или иной местности, но, обвиняя врачей в убийстве пациентов, толпа обвиняла и власти в оставлении их в опасности. Бунт толпы для властей был таким происшествием, на которое нельзя было не реагировать. В Петербурге после событий на Сенной площади отменили противоэпидемические мероприятия, которые вызывали недовольство горожан. Были открыты новые холерные больницы, а их устройство легло на плечи петербургского купечества. Новые актеры позволили снизить уровень напряженности в городе, благодаря чему бунты в нем не повторились. После выступления в селе Никольском Тамбовского уезда и Тамбове было принято решение об осмотре холерных больниц и находящихся там больных. Местные власти должны были проверить надежность оцепления зараженных мест. Остальные мероприятия были также направлены на укрепление принятых ранее противоэпидемических мероприятий, а не как в случае с Петербургом – на отмену мероприятий.

Можно предположить, что холерные бунты развивались в тех частях империи, где местное общество было пассивным. Страх перед неизвестной болезнью, больше похожей на отравление мышьяком, перед принудительной госпитализацией в плохо организованные больницы и недостаток и дороговизна продуктов (из-за карантинных) создавал отличную почву для слухов об отравителях и врачах-убийцах. Следующим шагом в этих условиях был бунт. Там же, где местное общество, в первую очередь купечество, помогало продуктами, лекарствами и организацией больниц, которые не были похожи лишь на переходное место из них на кладбище, слухи не получали нужных условий для бунта.

Литература

- Алефиренко, 1947** – Алефиренко П. Чумной бунт в Москве в 1771 г. // *Вопросы истории*. 1947. № 4. С. 82-89.
- Башуцкий, 1866** – Башуцкий А.П. Первая холера в Петербурге // *Русский вестник*. 1866. Т. 64. № 7. С. 225-236.
- Богданов, 2005** – Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.
- Брикнер, 1884** – Брикнер А. О чуме в Москве 1771 г. // *Русский вестник*. 1884. № 9.
- Васильев, Сегал, 1960** – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960.
- Визе, 2001** – Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*. Челябинск, 2001.
- Вильна 1823–1824, 2008** – Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск, 2008.
- Военные поселения, 1980** – Военные поселения // *Вопросы истории*. 1980. № 2. С. 178-183.
- Врачевание, 1831** – Врачевание. Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению // *Северная пчела*. 1831. № 138. 23 июня.
- Вяземский, 1992** – Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992.
- Гаврилов, 1867** – Гаврилов С. О чумном возмущении в Севастополе 1830 года // *Русский архив*. 1867.
- Гессен, 1932** – Гессен Г.Я. Холерные бунты. М., 1932.
- Закревский, 1861** – Закревский Н.И. Корабль «Эриван», 1829 // *Морской сборник*. 1861. Т. 42. № 3. Неф. отд. С. 62-94.
- Закревский, 1861** – Закревский Н.И. На берегу в Севастополе, 1830 // *Морской сборник*. 1861. Т. 42. № 4. Неф. отд. С. 289-312.
- Закревский, 1863** – Закревский Н.И. Севастополь 1830–1831 // *Морской сборник*. 1863. Т. 54. № 2. Неф. отд. С. 139-168.
- Колоницкий, 2010** – Колоницкий Б.И. Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.
- Кункль, 1929** – Кункль А.А. Аракчеевщина. М., 1929.
- Леписевич, 2012** – Леписевич Н.З. «Чумной бунт» 1830 года в Севастополе: из воспоминаний военного врача Н.И. Закревского // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. Т. 25 (64). № 1. 2012. С. 106-118.

- Мальцев, 1992 – Мальцев Н.А. Военные поселения в России XIX века // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 12. С. 2-7.
- Мордовцев, 1875 – Мордовцев Д.Л. Чума в Москве 1771 г. // *Древняя и Новая Россия*. Т. 2. СПб., 1875.
- Москва в 1771 г., 1866 – Москва в 1771 г. (Письма А.А. Саблукова к отцу своему) // *Русский архив*. 1866. № 3.
- Нечаев, 1911 – Нечаев В. Чума 1771 г. в Москве. М., 1911.
- Никитенко, 1955 – Никитенко А.В. Дневник (1826–1877). Т. 1. М., 1955.
- Петербургские записки, 1830 – Петербургские записки. Нелепые толки // *Северная пчела*. 1830. № 134. 8 ноября.
- Петров, 1871 – Петров А.Н. Устройство и управление военными поселениями в России / *Граф Аракчеев и военные поселения*. СПб., 1871. С. 71-134.
- Полканов, 1936 – Полканов А. Севастопольское восстание 1830 г. Симферополь, 1936.
- Пржецлавский, 1874 – Пржецлавский О.А. Воспоминания О.А. Пржецлавского 1818–1831 гг. // *Русская старина*. Т. 11. № 9. 1874.
- ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490 – ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490. Устав о карантинах. С. 427-517.
- Пупарев, 1884 – Пупарев А.Г. Холерный месяц в Петербурге. Июнь 1831 г. // *Русская старина*. 1884. Т. 44. № 12.
- РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Селиванов, 1868 – Селиванов И.В. Холера в Петербурге в 1831 г. Рассказ очевидца // *Русский архив*. 1868. № 6. С. 958-962.
- Супотницкий, Супотницкая, 2006 – Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. М., 2006. Т. 1.
- Ушаков, 1874 – Ушаков А.Ф. Холерный бунт в Старой Руссе // *Русская старина*. 1874. Т. 9. № 1.
- Фесенко, 2011 – Фесенко А. Чумной бунт в Севастополе // *Культура народов Причерноморья*. 2011. № 204. С. 52-57.
- Хефнер, 2002 – Хефнер Л. Civil society, Buergertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 187-202.
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- Alexander, 2003 – Alexander J. Bubonic plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. New York: Oxford University Press, 2003.
- Baldwin, 2005 – Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Burrell, Gill, 2005 – Burrell S., Gill G.V. The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Mistrust and Civil Unrest // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 2005. 60(4): 478-498.
- Evans, 1987 – Evans R. Death in Hamburg: Society and Politics in the cholera years, 1830 – 1910. New York: Penguin Books, 1987.
- Henze, 2011 – Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823–1914. London: Routledge, 2011.
- McGrew, 1965 – McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison: University of Wisconsin Press, 1965.
- Rosenberg, 1987 – Rosenberg C. Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
- Schwartz, 2006 – Schwartz J.Z. A Melancholy and Trying Season: Cholera and the Conflict over Cultural Boundaries in Early Michigan // *Journal of the Early Republic*. 2006. 26(1).

References

- Alefirenko, 1947 – Alefirenko, P. (1947). Chumnoj bunt v Moskve v 1771 g. [Plague riot in Moscow in 1771]. *Voprosy istorii*. 4: 82-89. [in Russian]
- Alexander, 2003 – Alexander, J. (2002). Bubonic plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. New York: Oxford University Press.
- Baldwin, 2005 – Baldwin, P. (2005). Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bashuckij, 1866 – Bashuckij, A.P. (1866). Pervaya holera v Peterburge [The first cholera in St. Petersburg]. *Russkij vestnik*. 64(7): 225-236. [in Russian]
- Bogdanov, 2005 – Bogdanov, K.A. (2005). Vrachy, pacienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoj kul'tury XVIII – XIX vekov [Doctors, patients, readers: pathographic texts of Russian culture of the 18th – 19th centuries]. М. [in Russian]
- Brikner, 1884 – Brikner, A. (1884). O chume v Moskve 1771 g. [About the plague in Moscow in 1771]. *Russkij vestnik*. 9. [in Russian]

- Burrell, Gill, 2005 – Burrell, S., Gill, G.V. (2005). The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Mistrust and Civil Unrest. *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 60(4): 478-498.
- CGLA SPb – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].
- Evans, 1987 – Evans, R. (1987). Death in Hamburg: Society and Politics in the cholera years, 1830–1910. New York: Penguin Books.
- Fesenko, 2011 – Fesenko, A. (2011). Chumnoj bunt v Sevastopole [Plague riot in Sevastopol]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 204: 52-57. [in Russian]
- Gavrilov, 1867 – Gavrilov, S. (1867). O chumnom vozmushchenii v Sevastopole 1830 goda [About the plague outbreak in Sevastopol in 1830]. *Russkij arhiv*. [in Russian]
- Gessen, 1932 – Gessen, G.Ya. (1932). Holernye bunty [Cholera riots]. M. [in Russian]
- Hefner, 2002 – Hefner, L. (2002). Civil society, Buerkertum i «mestnoe obshchestvo»: v poiskah analiticheskikh kategorij izucheniya obshchestvennoj i social'noj modernizacii v pozdneimperskoj Rossii [Civil society, Buerkertum and “local society”: in search of analytical categories for studying social and social modernization in late imperial Russia]. *Ab Imperio*. 3: 187-202. [in Russian]
- Henze, 2011 – Henze, C.E. (2011). Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823–1914. London: Routledge.
- Kolonickij, 2010 – Kolonickij, B.I. (2010). Tragicheskaya erotika: obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny [Tragic erotica: images of the imperial family during the First World War]. SPb. [in Russian]
- Kunkl', 1929 – Kunkl', A.A. (1929). Arakcheevshchina [Arakcheevshchina]. M. [in Russian]
- Lepisevich, 2012 – Lepisevich, N.Z. (2012). “Chumnoj bunt” 1830 goda v Sevastopole: iz vospominanij voennogo vracha N.I. Zakrevskogo [“Plague riot” of 1830 in Sevastopol: from the memoirs of a military doctor N.I. Zakrevskogo]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya “Istoricheskie nauki”*. T. 25 (64). 1: 106-118. [in Russian]
- Mal'cev, 1992 – Mal'cev, N.A. (1992). Voennye poseleniya v Rossii XIX veka [Military settlements in Russia in the 19th century]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 12: 2-7. [in Russian]
- McGrew, 1965 – McGrew, R.E. (1965). Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison: University of Wisconsin Press.
- Mordovcev, 1875 – Mordovcev, D.L. (1875). Chuma v Moskve 1771 g. [Plague in Moscow in 1771]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*, T. 2, SPb. [in Russian]
- Moskva v 1771 g., 1866 – Moskva v 1771 g. (Pis'ma A.A. Sablukova k otcu svoemu) [Moscow in 1771 (Letters from A.A. Sablukov to his father)]. *Russkij arhiv*. 1866. 3. [in Russian]
- Nechaev, 1911 – Nechaev, V. (1911). Chuma 1771 g. v Moskve [The plague of 1771 in Moscow]. M. [in Russian]
- Nikitenko, 1955 – Nikitenko, A.V. (1955). Dnevnik (1826–1877) [Diary (1826–1877)]. T. 1. M. [in Russian]
- Peterburgskie zapiski, 1830 – Peterburgskie zapiski (1830). Nelepye tolki [Petersburg notes. Ridiculous talk]. *Severnaya pchela*. № 134. 8 noyabrya. [in Russian]
- Petrov, 1871 – Petrov, A.N. (1871). Ustrojstvo i upravlenie voennymi poseleniyami v Rossii [The device and management of military settlements in Russia]. Graf Arakcheev i voennye poseleniya. SPb. Pp. 71-134. [in Russian]
- Polkanov, 1936 – Polkanov, A. (1936). Sevastopol'skoe vosstanie 1830 g. [Sevastopol uprising of 1830]. Simferopol'. [in Russian]
- Przheclavskij, 1874 – Przheclavskij, O.A. (1874). Vospominaniya O.A. Przheclavskogo 1818–1831 gg. [Memoirs of O.A. Przheclavsky 1818–1831]. *Russkaya starina*. T. 11. № 9. [in Russian]
- PSZ RI-1. 1818 T. 35. № 27490 – PSZ RI-1. 1818 T. 35. № 27490. Ustav o karantinah [Charter on quarantines]. Pp. 427-517. [in Russian]
- Puparev, 1884 – Puparev, A.G. (1884). Holernyj mesyac v Peterburge. Iyun' 1831 g. [Cholera month in St. Petersburg. June 1831]. *Russkaya starina*. 44(12). [in Russian]
- RGA VMF – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voенно-morskogo flota [Russian State Archives of the Navy].
- RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Rosenberg, 1987 – Rosenberg, C. (1987). Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago: The University of Chicago Press.
- Schwartz, 2006 – Schwartz, J.Z. (2006). A Melancholy and Trying Season: Cholera and the Conflict over Cultural Boundaries in Early Michigan. *Journal of the Early Republic*. 26(1).
- Selivanov, 1868 – Selivanov, I.V. (1868). Holera v Peterburge v 1831 g. Rasskaz ochevidca [Cholera in St. Petersburg in 1831. Eyewitness account]. *Russkij arhiv*. 6: 958-962. [in Russian]
- Supotnickij, Supotnickaya, 2006 – Supotnickij, M.V., Supotnickaya, N.S. (2006). Oчерki istorii chumy [Essays on the history of the plague]. M. T. 1. [in Russian]

- Ushakov, 1874** – *Ushakov, A.F.* (1874). Holernyj bunt v Staroj Russe [Cholera riot in Staraya Russa]. *Russkaya starina*. 9(1). [in Russian]
- Vasil'ev, Segal, 1960** – *Vasil'ev, K.G., Segal, A.E.* (1960). Istoriya epidemij v Rossii [History of epidemics in Russia]. M. [in Russian]
- Vil'na 1823 – 1824, 2008** – Vil'na 1823 – 1824: Perekrestki pamyati (2008) [Crossroads of memory]. Minsk: Limarius. [in Russian]
- Vize, 2001** – *Vize, Sh.* (2001). Sluhi i nasilie: holernye bunty v Saratove v 1892 g. [Rumors and violence: cholera riots in Saratov in 1892]. *Sluhi v Rossii XIX – XX vekov. Neoficial'naya kommunikaciya i «krutye povoroty» rossijskoj istorii*. Chelyabinsk. [in Russian]
- Voennye poseleniya, 1980** – Voennye poseleniya [Military settlements]. *Voprosy istorii*. 1980. 2: 178-183. [in Russian]
- Vrachevanie, 1831** – Vrachevanie. Kratkoe nastavlenie k raspoznaniyu priznakov holery, predohraneniyu ot onoj, i k pervonachal'nomu eya lecheniyu [Doctoring. A brief guide to recognizing the signs of cholera, preventing it, and to its initial treatment]. *Severnaya pchela*. 1831. № 138. 23 iyunya. [in Russian]
- Vyazemskij, 1992** – *Vyazemskij, P.A.* (1992). Zapisnye knizhki [Notebooks]. M. [in Russian]
- Zakrevskij, 1861** – *Zakrevskij, N.I.* (1861). Korabl' «Erivan», 1829 [Ship “Erivan”, 1829]. *Morskoj sbornik*. 42(3): 62-94. [in Russian]
- Zakrevskij, 1861** – *Zakrevskij, N.I.* (1861). Na beregu v Sevastopole, 1830 [On the shore in Sevastopol, 1830]. *Morskoj sbornik*. 42(4): 289-312. [in Russian]
- Zakrevskij, 1863** – *Zakrevskij, N.I.* (1863). Sevastopol' 1830–1831 [Sevastopol 1830–1831]. *Morskoj sbornik*. 54(2): 139-168. [in Russian]

Эпидемические бунты 1830-х гг.: региональная специфика и имперская общность

Ксения Сергеевна Барабанова^{a, *}

^a Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Аннотация. Эпидемия является чрезвычайной ситуацией, во время которой проявляются скрытые в обыденное время конфликты. Таким проявлением становятся эпидемические бунты. Их особая концентрация пришлась на 1830-е гг. и первую эпидемию холеры в Российской империи. Реализация противоэпидемических мероприятий, чаще всего приводившая к бунту, позволяет взглянуть на деятельность местной администрации. Через историю слухов мы узнаем о том, кого население наделяло властными полномочиями, а кого и по каким причинам считало врагами. Важными кейсами стали события 1830 г. в Севастополе (так называемый «Чумной», или «Женский бунт»), петербургский «Бунт на Сенной площади», события в Петербургской, Олонецкой и Казанской губерниях, в Пскове, Туле и Твери. Рассуждая об эпидемических бунтах, не следует забывать о том, что не в каждом населенном пункте, охваченном эпидемией, население уничтожало больницы и убивало врачей или чиновников. Для таких мест характерно наличие активного местного общества, в первую очередь представленного купечеством. Активные акторы, участвовавшие с самого начала эпидемии в организации холерных больниц, которые не представляли собой «переходное место» из них на кладбище, снабжали продуктами или готовыми обедами нуждающихся и помогали сиротам. Через эпидемические бунты мы рассмотрим общеимперские проблемы и их региональную специфику во время правления императора Николая I. Через отдельные кейсы чумных или холерных бунтов появляется возможность изучить региональные проблемы, представления о властях и врагах. Также можно обратиться к истории общества в Российской империи и подтвердить тезис о том, что его следует рассматривать через регионы и говорить о местном обществе, а не общеимперском.

Ключевые слова: бунт, эпидемия, слухи, чума, холера.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: barabanova13@gmail.com (К.С. Барабанова)